

С.В. Татаркина

СПЕЦИФИКА САМОРЕПРЕЗЕНТАЦИИ АВТОРА В «ВОСПОМИНАНИЯХ» А.О. СМЕРНОВОЙ-РОССЕТ

Томский государственный педагогический университет

Проблема изучения женских автодокументальных жанров (дневников, писем, мемуаров) соотносится с проблемой женского творчества. Большинство исследователей полагают, что мемуарно-автобиографические тексты, написанные женщинами, находятся в ситуации двойной маргинальности (как автодокументальные и как женские) [1–3]. Дело в том, что литературоведческая традиция связывает статус автодокументальных жанров с семантикой пограничного, периферийного. Их топология относится к «срединной сфере» – между литературой и бытом (литературным бытом), с одной стороны, и высокой и тривиальной литературой, с другой стороны. Кроме того, уже в первой половине XIX в. в русской критике, а в западной еще раньше – в конце XVIII – начале XIX в. – понятия «автодокументальное», «автобиографическое» пересекаются с понятием «женское» (женское творчество), которое в патриархальной культуре маркировано знаком «второсортности», «неполноценности».

Дневник объявляется естественным и в силу этого легитимным для женщины жанром, не требующим выхода в публичное пространство [4]. Определение «автобиографизма» и «дневниковости» как специфически женского литературного качества можно встретить и в современных исследованиях. Н. Пушкарёва, например, считает, что «мемуарный жанр в чистом виде может представлять как более “мужской”, а автобиографический (дневники, письма. – С.Т.) – как более “женский”» [5, с. 66]. В то же время, с точки зрения Домны Стантон (Stanton Domna), термин «автобиография» употребляется как позитивный или нейтральный, когда речь идет об Августине или Руссо, но по отношению к женским текстам этот термин приобретает негативную коннотацию, призванную выразить идею сосредоточенности женщины только на том, что касается ее личного Я, неспособности думать о существенном, трансцендентальном [1, с. 4].

Одно из качеств, определяющих специфику женских автобиографических текстов, исследователи обозначают как «двойственность». Так, Сюзан Фридман (Friedman Susan) полагает, что двойственность положения женщины в патриархальной культуре развивает в ней «двойное сознание» –

«Я как культурно определенное и Я как отличное от культурных предписаний» [2, с. 4].

Эстелла Елинек (Estelle C. Jelinek), сформулировавшая в своей монографии «Традиция женской автобиографии: От античности до настоящего времени» (1986) тезис о том, что «женские и мужские автобиографии отличаются», выделяет различия на уровне темы, стиля и субъекта. Темы, о которых пишут женщины, считает Елинек, связаны с семьей, ближайшими друзьями, домашними делами. Причем акцент «сохраняется на личных делах – не на профессиональных, философских или исторических событиях, о которых более часто пишут мужчины». Стиль женских автобиографий исследовательница определяет как фрагментарный, нецельный, нехронологический. Субъект женского автобиографического текста, по мнению Елинек, характеризуется многомерностью, в отличие от «самонадеянного, одномерного Я мужской автобиографии». Женщины «часто рисуют... образ Я, расцветенный чувством несоответствия и отчуждения, существования в качестве аутсайдера или “другого”, они ощущают потребность в аутентичности, в доказательстве своей самооценности» [6, с. 13].

Мэри Мейсон (Mary Mason) также сосредоточивается на проблеме конституирования идентичности в женском автобиографическом тексте. В статье «Другой голос: автобиографии писательниц-женщин» Мейсон пишет, что «открытие женского Я соединено с идентификацией с неким (каким-то) “другим”... <...> Это... обоснование идентичности через отношение к избранным другим, кажется... дает право женщинам писать открыто о самих себе» [7, с. 210]. При этом функцию «другого» в женской автобиографии могут выполнять не только мужчины, но и женщины.

Пафос монографии И. Савкиной «“Пишу себя...”». Автодокументальные женские тексты в русской литературе первой половины XIX века определяется стремлением не только и не столько описать универсальный женский субъект, отличный от мужского, сколько выявить множественность женского: «на месте универсальной Женщины увидеть множество различных женщин», выявить *в качестве кого, из какой роли* женщина пи-

шет», поскольку эта «роль/роли, из которой/ых она пишет, связана с адресацией и важна для исследования идентичности автора» [3, с. 43, 47].

Начало истории русской женской мемуаристики относится к 50–60-м гг. XVIII в., когда приватный, индивидуальный мир личности стал представлять интерес для литературы. Среди наиболее известных текстов, стоявших у истоков русской женской автодокументальной литературы, исследователи называют «Своеручные записки княгини Натальи Борисовны Долгоруковой» (1767, первая публикация в 1810 г.), «Записки императрицы Екатерины II» (последняя редакция осуществлена в 90-е гг. XVIII в., впервые опубликованы в 1859 г.), «Записки княгини Екатерины Дашковой» (1804–1805, в русском переводе впервые опубликованы в 1859 г.), «Воспоминания» А.Е. Лабзиной (1810, первая публикация в 1903 г.), «Мемуары» В.Н. Головиной (1807–1817, впервые опубликованы в русском переводе в 1899 г.).

Вплоть до 30–40-х гг. XIX в., утверждает Тартаковский, мемуарные тексты писались для себя, детей и внутрисемейного употребления и не предназначались для публикации [8, с. 47–51]. С этой точки зрения мемуарные жанры, занимающие маргинальное положение в литературном каноне, оказались наиболее «подходящими» для женщин. Функционирующие в обществе и культуре стереотипы закрепляли право заниматься литературной деятельностью только за мужчиной. Если женщине и дозволялось «сочинительство», то лишь при определенных условиях: во-первых, концептуальный уровень произведений, написанных женщиной, должен быть ограничен любовно-семейной сферой; во-вторых, женские литературные тексты, которые воплощают жизненный опыт автора, не должны иметь выхода в публичное пространство. В этой связи женский мемуарный текст можно рассматривать как модель самоописания: женщина, не имеющая возможности публично объективировать свой личный опыт, через описание жизни других получает возможность говорить о себе.

В женской мемуарно-автобиографической литературе прослеживается несколько моделей самоинтерпретации. Одна из них представлена в «Воспоминаниях» А.О. Смирновой-Россет (1809–1882). Не являясь литератором, Смирнова, тем не менее, писала свои воспоминания не для семейного потребления, а для широкого круга читателей. В этой связи в ее мемуарах особую актуальность приобретает вопрос о мотивах письма. В тексте неоднократно подчеркивается, что воспоминания автор создает по просьбам своих близких знакомых (Пушкина, Жуковского, Тютчева, Самарина и др.): «Когда мне случалось рассказывать что-нибудь из моих воспоминаний, мне всегда говорили: “пиши-

те ваши записки”»; «Александр Сергеевич... мне... сказал: “Вы так хорошо рассказываете, что должны писать свои записки”» и т.д. [9, с. 281]. Вместе с тем Смирнова признается, что «никогда ничего не писала, кроме писем», и что ей «трудно теперь писать» [9, с. 397]. «Рассказывать и писать, – размышляет она, – две вещи, весьма разные; под перо не так скоро ложатся мысль и слово» [9, с. 281]. Очевидно, что мемуаристка сознательно умаляет свои литературные способности, и не только потому, что у нее действительно не было писательского опыта, но и потому, что она, женщина, решила выступить в роли, которая в патриархальном обществе традиционно рассматривалась как мужская – в роли автора текста, предназначенного для публикации. Не случайно она иронически сравнивает себя с «новейшей девицей Дуровой», т.е. с женщиной, которая осмелилась облачиться в мужской костюм и исполнять социальные функции мужчины, тем самым разрушая стереотипные представления о слабости, немощности женской личности.

Мотивируя свое обращение к литературной деятельности, Смирнова указывает также на то, что «судьба» постоянно сближала ее с тем, что «было лучшего или замечательного в России» [9, с. 218]. Именно поэтому она считает своим долгом оставить об этом свои записки, которые будут «назидать новое поколение, уклонившееся с прямой дороги» [9, с. 451]. Обозначенную мемуаристкой цель – «назидать новое поколение» – можно интерпретировать как стремление вписать свое произведение в контекст женской литературы, за которой утверждались в качестве легитимных функции назидания и воспитания. Кроме того, отдавая свои «Воспоминания» на «публичную экспертизу» (Сидония Смит), она выражает надежду на то, что к ним, как к произведению женского пера, «патриархальный цензор» будет менее строг.

«Воспоминания» А.О. Смирновой в жанровом отношении неоднородны. В их состав входят: I. Автобиография. II. Баденский роман. III. Записки. IV. Дневник. V. Воспоминания о Жуковском и Пушкине. VI. Статьи о Гоголе. Каждый из шести разделов создавался в разное время. Так, записки, сделанные Смирновой в 1835–1837 гг., послужили основой для «Баденского романа»; материалы для «Автобиографии» и «Записок» создавались в период с 1840-х по 1870-е гг.; «Дневник» датирован 1845 г.; «Воспоминания о Жуковском и Пушкине», «Статьи о Гоголе» были написаны в течение 1850–70-х гг. Однако, несмотря на структурированность автодокументального текста, в нем отсутствует хронологическая логика, «систематический порядок», некоторые эпизоды описываются несколько раз в разных частях «Воспоминаний». Сам

автор считает, что такая (фрагментарная) композиция мемуарного текста наиболее адекватно передает нестабильность, хаотичность собственного существования. На фоне «пестрой и бесплодной жизни» Смирнова воспринимает свое детство как наиболее целостное и «приятное время» [9, с. 281], хотя объективно его нельзя назвать счастливым, так как оно было наполнено многим скорбными событиями. Тем не менее история детства, как самая значимая для мемуаристки, воспроизводится в «Воспоминаниях» неоднократно: в «Автобиографии», в интимных беседах с Н. Киселёвым, запечатленных в «Баденском романе», а также в «Записках».

Интересно отметить, что «Автобиография» ограничивается описанием только детских и юношеских лет. Словно после замужества для Смирновой началась иная, не своя жизнь, с которой она внутренне была не согласна.

В первой части «Воспоминаний» мемуаристка достаточно подробно описывает историю своего рода, подчеркивая ее сопричастность истории России, Грузии и Франции. Ее отец – Осип Иванович – происходил из старинной французской семьи, сражался в рядах русской армии под стенами Очакова и Измаила; вместе с герцогом Ришелье стоял у истоков основания Одессы. Мать – Надежда Ивановна – по отцу французка (Лорер), по матери грузинка (род князей Цициановых) имела обычную женскую судьбу. В пятнадцать лет она была выдана замуж за человека втрое старше ее, от которого имела пятерых детей. После смерти первого супруга (О.И. Россета) во второй раз сочеталась браком с И.К. Арнольди, с которым прожила менее десяти лет и «умерла в родах».

Взаимоотношения автогероини с матерью представлены в тексте как проблемные. Смирнова пишет, что ее мать отличалась необычайной красотой и вместе с тем простотой и кротостью, однако в определенные моменты могла проявить силу характера, настойчивость. Так, желание вторично вступить в супружеский союз заставило Надежду Ивановну пойти вопреки мнению друзей О.И. Россета, считавших ее нового избранника безнравственным и жестоким человеком. В «Воспоминаниях» Смирнова запечатлела негативное восприятие окружающими брака своей матери с Арнольди. Например, «Кобле ее назвал злодейкой и рвал на себе волосы. Ланжерон тоже. Он его иначе не называл, как *Le diable boiteux*» [9, с. 38]. Александр Карлович, брат И.К. Арнольди, говорил о нем, что он «был всегда жаден, зол... и бегал за девками» [9, с. 67]. Сама мемуаристка признается, что ей непонятно, «чем пленилась» ее мать, что «через три дня» после знакомства с Арнольди, «вышла за него замуж» [9, с. 38]. Своего отчима она определяет, не

стесняясь в выражениях, не только как «хромого черта», но и как «мерзавца», «скота», «врага», «изверга», жестоко обращавшегося с приемными детьми, человекоубийцу и развратника, который приставал с домогательствами даже к ней. Смирнова приводит также высказывания юродивой, которая говорила: «Жаль мне деток... ведь он... грабит и пустит их по миру». «Ведь угадала, – заключает мемуаристка, – юродивые все знают и видят» [9, с. 61]. В отечественной культуре юродивые осмысляются как святые люди, прозорливцы. Использование религиозного дискурса сообщает внутрисемейной коллизии сакральный смысл: сироты, претерпевшие страдания и лишения, получают вознаграждение в небесном царствии. Но и в этой земной жизни, считает Смирнова, сироты наиболее преуспевают, что является знаком божественной благодати.

После того как Надежда Ивановна стала женой полковника Арнольди, слово «мать» замещается в тексте словом «полковница», т.е. она перестает восприниматься автогероиней как мать, став единым целым с Арнольди. Большее чувство близости и любви она испытывает к гувернантке, а затем к начальнице в Екатерининском институте, чем к родной матери. В разговоре с Киселёвым она открыто признается, что ее «детство было очень счастливое, до второго брака... матери», и что она «никогда не могла ей простить, что она больше любила хромого черта... чем... папочку» [9, с. 153].

Смирнова включает в свои воспоминания «Журнал походу Надежды Ивановны Арнольди», к которому делает свои комментарии, призванные подчеркнуть отчужденность, непонимание и глубокую обиду на мать. Например, запись от четвертого февраля мемуаристка откорректировала следующим образом: «Тут я вспомнила, что четвертое февраля есть тот самый счастливый для меня день (а для нас, сирот, самый злополучный), в который я в первый раз увидела Ивана Карловича год тому назад»; или: «Я очень боялась, что Иван Карлович проплывет по такой погоде (и как жаль, что не утонул, не убил бы оглоблей станционного смотрителя, как хвастал этим сыну Льву)» и др. [9, с. 51, 55].

Несмотря на то, что детство автогероини прошло в отдаленном местечке на юге России, в усадьбе бабушки Грамаклея, куда ее вместе с братьями «сослал» отчим, «сам Господь», по словам Смирновой, вывел ее из «бедной деревушки... и привел... в палаты царей русских» [9, с. 156]. С 1826 г. она становится фрейлиной вдовствующей царицы Марии Федоровны, а после ее смерти назначается ко двору Александры Федоровны, супруги Николая I.

Таким образом, в жизни автогероини взаимодействуют частная и публичная сферы. Она не

только дочь, сестра, жена и мать (типичные для женщины приватные роли), но еще и фрейлина, которая несет служение Отечеству при императорском дворе. Существование в двух противоположных, с точки зрения Смирновой, сферах, с одной стороны, позволило ей расширить границы собственного женского бытия, а с другой – обусловило двойственность ее поведения и самоосознания. Долгое пребывание в петербургском высшем свете вызывает у нее болезненное состояние (*idées fixes*), но, удаляясь от него, она начинает тосковать по столичному общению, встречам, развлечениям. Собственную противоречивость, нестабильность мемуаристка объясняет несоответствием «склада» своего «ума», «настроения души», которые «зависят от первых детских впечатлений» и той жизни, которую определила ей судьба [9, с. 282]. Драматическая для Смирновой оппозиция общественное, светское и индивидуальное, естественное метафорически выражается в «Воспоминаниях» через противопоставление сад/поле. «Я никогда не любила сад, – признается она, – а любила поле; не любила салон, а любила уютную комнатку, где незатейливо говорят, что думают... Дитя любит более всего свободу: ему не нравится условное; как бы ни был красив, хорошо устроен и украшен сад, ребенка тянет за решетку, в поле, на простор, где природа сама убирает поле в незатейливый, но вечный разнообразный наряд» [9, с. 282].

Осуществляя самописание, Смирнова ориентируется на несколько моделей женского характера. Так, в автогероине воплотились черты новой женщины, не только красивой, но и умной, свободомыслящей. Такой тип женской личности уже в 1830-е гг. был представлен в литературе, прежде всего в произведениях Жорж Санд. Мотив красоты, внешней привлекательности является определяющим в восприятии автогероини окружающими. Однако Смирнова настойчиво ориентирует читателя и на другую – интеллектуальную – составляющую своей личности. В беседах с царской четой, а также философами, писателями и другими выдающимися людьми эпохи Смирнова проявляет интеллектуальные и дипломатические способности, т.е. способности, выходящие за рамки стереотипного представления о женщине. В качестве письменного доказательства она включает в свой мемуарный текст стихотворные и прозаические послания к ней Пушкина, Жуковского и других знаменитостей, в которых содержатся признания, что она покорила их оригинальностью своего «анализирующего» ума:

«Не за черные очи,
Не за пышные плечи,
А за умные речи
Обожаю я вас».

Интересно отметить, что в поведении и самоописании Смирновой обнаруживаются некоторые радикальные черты, характерные в целом для восприятия идей эмансипации в 1830–40-е гг. Так, она не только позволяла мужчинам курить в своем присутствии, но и сама переняла эту мужскую, по тем временам, привычку (признак эгалитарного феминизма). В то же время мемуаристка очень откровенно пишет в «Баденском романе» о своей женской телесности (болезнях, беременности, родах), манифестируя особенности своего женского психосама (атрибуты феминизма различий).

В качестве значимой для самоинтерпретации автогероини выступает также модель православного женского характера. Смирнова подчеркивает, что большую роль в процессе ее духовного становления сыграл Н.В. Гоголь, который полюбил ее за прекрасную душу. Желая подчеркнуть близость, существующую между нею и Гоголем, она приводит его слова о том, что они «всегда были знакомы» [9, с. 398, 412]. По мнению мемуаристки, личность Гоголя, его отношение к миру и людям тесным образом связаны с христианской культурой. Рассказывая о нем, она указывает на его высокую духовную жизнь, которая оказалась ей близка и созвучна, но, к сожалению, стала непонятной многим современникам. В осмыслении автогероиней себя как православного человека доминирует духовный аспект. Биологический, телесный фактор, в том числе половые особенности, в этом самоописании отодвигаются на последний план («нет уже раба, ни свободного, нет мужского пола, ни женского... ибо все вы одно во Христе»). Смирнова сообщает, что она нередко вместе с Гоголем посещает храмы, участвует в церковной жизни (молится, постится, говеет, общается со священнослужителями). В ее жизни реализуется одна из главных христианских добродетелей – самопожертвование. Мотив жертвы, мученичества функционирует в изображении детства автогероини (сирота, вынужденная ради счастья матери терпеть притеснения со стороны отчима). Добровольное самопожертвование она совершает ради благополучия братьев, вступая в брак по расчету с добрым, но нелюбимым человеком (Н. Смирновым). «Я себя продала, – признается она, – за шесть тысяч душ для братьев» [9, 204]. Более того, заботясь о братьях, она была готова выйти замуж «даже за старика» [9, с. 289].

Вместе с тем противоречивость, нецелостность личности автогероини выражается в том, что в ней взаимодействуют две противоположные модели женского характера – эмансипированная и православная. нестабильность Я автогероини отчетливее всего проявляется в ее представлениях о любви и браке. Так, в своих «Воспоминаниях» мемуаристка часто использует формулировку «хорошая жена

и мать», характеризующую ее представления об идеальной женщине и в целом о христианском супружестве. В то же время, рассказывая о своем браке, семейной жизни своих родных и знакомых, она делает акцент на физической, плотской любви. В современной действительности от христианского брака осталась только форма, его главное содержание – целомудренная любовь – утратило свое значение. Так, несмотря на безупречность отца автогероини, в его любви к жене преобладало телесное, чувственное начало. Об этом свидетельствует мемуаристка, неоднократно повторяя, что ее младший брат появился на свет через десять месяцев после ее рождения, т.е. отец не дождался «положенных шести недель» [9, с. 29, 152]. Смерть матери в тридцатилетнем возрасте наступила в результате неудачных родов. Свои интимные отношения с нелюбимым мужем Смирнова характеризует как «возмутительные». Многочисленные семейные истории, о которых повествует мемуаристка, призваны засвидетельствовать незащищенность женщины, ущербность ее положения в браке. Имплицировано автор «Воспоминаний» выражает протест против биологического взгляда на женщину, ограничивающего ее бытие функциями жены и матери.

Противоречивость позиции автогероини прослеживается также в ее отношениях с Н. Киселёвым. Встретив его на своем жизненном пути и узнав в нем свою настоящую любовь, «тот идеал, о котором вздыхает... душа», Смирнова, тем не менее, предпочла сохранить обет верности, данный Богу и нелюбимому супругу [9, с. 138]. В то же время она не сочла противоестественной или греховной искреннюю любовь двух родственных душ. Поэтому автогероиня позволяет себе насладиться счастьем идеального супружества хотя бы в воображении, в стране грез, в которую они мысленно переносились во время длительных бесед. «Мой ангел, – обращается он к ней, – когда мы женимся, у нас будет пять детей... Полное вечное уединение в Адамовке... У нас будет фортепиано и вся твоя любимая музыка, любимые картины... Мы поедем молиться к Андрею Первозванному. Наши дети! Боже, какое счастье! Я люблю твоих, потому что это твоя плоть и... кровь. Какова же любовь к тем, которые будут ваша кровь и моя, зачатые в чистом и целомудренном объятии. Это будут ангелы» [9, с. 161, 269]. Киселёв сравнивает свою любовь к

Александре Осиповне с идеальными любовными отношениями Франчески и Паоло: «Мы умрем в одну и ту же минуту с самым чистым братским поцелуем и, как Франческа и Паоло, вознесемся к небу» [9, с. 259].

Важной особенностью «Воспоминаний» Смирновой является их ориентированность на чужое слово. При этом чужое слово замещает собственное слово мемуаристки. Чужое слово у Смирновой – всегда слово мужское (Пушкина, Жуковского, Батюшкова, Гоголя и др.). Исключение составляет дневник Н.И. Арнольди, который необходим автору для того, чтобы выразить свое несогласие с матерью, ее жизненной позицией.

Чужое (прежде всего слово Гоголя и в целом его мироконцепция) определяет у Смирновой не только форму, но и содержание своего. В этом отношении чужое для нее становится своим. Автогероиня воспринимает и оценивает мир глазами Гоголя. Даже те ситуации, которые имели место в жизни Смирновой до встречи с Гоголем, в мемуарном тексте представлены с гоголевской точки зрения. Так, описывая эпизод своего детства, когда опрокинулась карета, в которой вместе с ней находились родственники и гувернантка, она вводит гоголевские реминисценции: «...на самом маленьком косогоре карета опрокинулась, неизвестно как и зачем. И Селифан, когда опрокинул бричку Чичикова, сказал всего: “Вот и опрокинулась”»; «...мы смеемся сквозь слезы и плачем сквозь смех»; «...суп, подобный тому, который подали Хлестакову...» [9, с. 44, 158, 75]. Окружающих она сравнивает с персонажами гоголевских произведений: «...этот господин должен быть вроде Ноздрева»; «Эти Федоровы были совершенные Маниловы»; «...портной Шмидт, у которого палец был култышкой, как у портного Акакия Акакиевича» и т.д. [9, с. 58, 63, 88].

Образ автогероини в «Воспоминаниях» Смирновой отличается противоречивостью, нестабильностью: с одной стороны, она стремится выразить в повествовании собственный женский опыт (в автогероине подчеркнута ее женская телесность), свое мнение о великих людях, а с другой стороны, женское Я автогероини растворяется в изображаемом мужском мире. Смирнова осуществляет самоинтерпретацию через мироконцепцию Гоголя как наиболее значимую для нее.

Поступила в редакцию 21.06.2006

Литература

1. Stanton, Domna C. *Autogynography: Is the Subject Different?* // *The Female Autograph: Theory and Practice of Autobiography from the Tenth to the Twentieth Century* / Ed. by Domna C. Stanton. Chicago and London, 1987.
2. Friedman, Susan Stanford: *Women's Autobiographical Selves: Theory and Practice* // *The Private Self: Theory and Practice of Women's Autobiographical Writings* / Ed. by Shari Benstock. L., 1988.

3. Савкина И.Л. «Пишу себя...». Автодокументальные женские тексты в русской литературе первой половины XIX века. Tampere, 2001.
4. Катков М. Сочинения в стихах и прозе графини С.Ф. Толстой // Отечественные записки. 1840. Т. 12. Отд. 5.
5. Пушкарёва Н.Л. У истоков женской автобиографии в России // Филол. науки. 2000. № 3.
6. Jelinek, Estelle C. The Tradition of Women's Autobiography: From Antiquity to the Present. Twayne Publishers: Boston A Division of G.K. Hall & Co, 1986.
7. Mason, Mary G. The Other Voice: Autobiographies of Women Writers // Autobiography: Essays Theoretical and Critical / Ed. by James Olney. Princeton. New Jersey, 1980.
8. Тартаковский А.Г. Мемуаристика как феномен культуры // Вопр. лит. 1999. Янв.–февр.
9. Смирнова-Россет А.О. Воспоминания. Письма. М., 1990.

УДК 82.0:801.6; 82-1/9

Т.Л. Шумкова

ПОВЕСТЬ И.А. ГОНЧАРОВА «ЛИХАЯ БОЛЕСТЬ»: ИРОНИЧЕСКАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ РОМАНТИЧЕСКОГО СТРАНСТВИЯ

Нижевартовский государственный гуманитарный университет

Повесть И.А. Гончарова «Лихая болезнь» (1838) написана в то время, «когда Марлинский совершал свое триумфальное шествие по России, совершенно заслоняя в глазах массового читателя прозу Пушкина и Гоголя, когда еще не утихли восторги, вызванные В.Г. Бенедиктовым, когда трагедия Кукольника господствовала в театре, – время почти официально признанного романтизма», – отмечал Б. Энгельгардт [1, с. 233]. Это был всплеск творчества эпигонов романтизма, предшествующий его закату, растворению в лоне других культур – бидермайера, а затем и реализма, что, несомненно, ощущалось и творчески предвосхищалось молодым автором, проводившим свои досуги в гостеприимном доме Майковых. «Сколько... блаженных вечеров пронеслось незаметно на Садовой улице! <...> Спасибо славным Майковым! <...> В этом доме будут бескорыстно радоваться его будущим писательским успехам, его продвижению по службе. Здесь будут искренне переживать по поводу его сердечных невезений... Суматошные, шумные, разнообразно и взахлеб даровитые, нежные и трогательные, открытые и неизменно постоянные в своем чувстве к нему Майковы...» [2, с. 56].

Повесть о семействе Зуровых, в плане своего «домашне-шуточного содержания» и отношения к «частным случаям и частным лицам» [1, с. 233], является *дружеским шаржем* на особенности поведения, речь, а главное, любовь к загородным прогулкам членов семьи Майковых. Так, Николай Аполлонович Майков выступает прототипом Алексея Петровича Зурова, увлеченного, пылкого чудачка. Евгения Петровна Майкова, автор выспренных сентиментальных повестей, восторженно относящаяся к созерцанию природы, – Марья Александровна Зуровой. По поводу других персонажей

мнения несколько расходятся. Так, Б. Энгельгардт не сомневается, что прототипом Зинаиды Михайловны выступает племянница Евгении Петровны, Юния Дмитриевна Ефремова, «прелестная Юнненька» [1, с. 233], а Ю.М. Лощиц объединяет «Юничку» с образом «чувствительной и задумчивой» [2, с. 54] Феклы. Разногласия касаются и образа Вереницына, с которым по сходству звучания фамилий Ю.М. Лощиц связывает завсегда маяковского салона В.А. Солоницына [2, с. 54], а Б. Энгельгардт – известного в то время путешественника и естествоиспытателя Г.А. Карелина [1, с. 233]. Очевидно, образ этот создан на основе звучания фамилии одного и деятельности второго из предполагаемых прототипов.

Однако «Лихая болезнь» не просто невинный дружеский шарж, но и «остро-пародийная повесть, включающаяся в борьбу литературных направлений того времени», – пишет В.П. Сомов [3, с. 118]. В ней Гончаров «решительно объявляет войну романтической традиции в литературе... которая составит позднее главное содержание всей его художественной деятельности», – констатирует Б. Энгельгардт [1, с. 234]. Метод, используемый Гончаровым, – одновременное дружеское шаржирование и пародия на бытующие культурные реалии – не был нов. Ранее он был применен молодым Тютчевым в стихотворении «На камень жизни роковой...» (1823), где, с одной стороны, дружески воссоздавался портрет учителя поэта, Раича, а с другой – достаточно иронично прозвучал протест против антиромантичности его духовного облика.

Исследователями отмечен ряд моментов, связанных с восприятием литературных традиций, способствующих созданию комического эффекта в